

Т.И. Синкевич
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
e-mail: sintat@inbox.ru
УДК 811.161.1'373.215 (476.5)

Лимнонимия Витебщины: проблема субстрата

Ключевые слова: *субстрат, лимноним, принцип номинации, этимологизация, этнос, этногенез.*

В статье предпринята попытка этимологизации субстратных названий озер Витебщины. Территория Витебщины – это древняя славянская земля, где последовательно смешались финно-угры, балты и славяне, оставив свой след в названиях рек и озер. Этимологический анализ древней гидронимии позволит установить ее характер, значение лексических основ, а также заглянуть в прошлое человечества. Через названия рек, озер, смысл многих из которых ученым удалось расшифровать, доносится к нам голос наших далеких предков – охотников и рыболовов, скотоводов-кочевников и земледельцев. Очень часто только благодаря названиям, пережившим предметы материальной культуры, ученые делают важные выводы о языке исчезнувшего народа, а следовательно, о том, какой именно народ мог обитать на данной территории.

Территория Витебщины – это древняя славянская земля, где последовательно смешались финно-угры, балты и славяне, оставив свой след в названиях рек и озер.

Несмотря на то, что в интерпретации этимологии и этнической принадлежности отдельных гидронимов не может быть однозначного решения, эта проблема представляется нам актуальной.

Цель исследования – предпринять попытку этимологизации субстратных названий озер Витебщины.

Задачи нашего исследования мы видим в том, чтобы 1) установить географию размещения названий озёр финно-угорского, балтского и славянского происхождения на нынешней территории Белорусского Поозерья; 2) проследить особенности балтских и финно-угорских гидронимических образований на исследуемой нами территории и определить характер изменений, которым они подверглись на славянской почве; 3) установить пути осмысления и переосмысления балтских и финно-угорских названий лимнонимов, перешедших в славянскую гидронимическую систему, и выяснить характер их взаимодействия.

Решение этих проблем нам представляется возможным, ибо речь идёт о пограничных районах, где разноэтнические племена определённое время бытовали одновременно, имели какие-то культурные контакты, в том числе и языковые.

Нами проанализировано 1498 названий озёр Витебщины.

Большое количество названий озер, типичных для исследованного нами региона, встречается в настоящее время на территории

Прибалтики, Украины, Польши, что является свидетельством существования некогда единой материальной культуры.

Балтийские и славянские народы говорят на языках, относящихся к индоевропейской языковой семье. В древности балты и славяне, по-видимому, сформировались в северо-восточной зоне индоевропейской общности. Их происхождение, пути миграции, взаимные отношения и формирование балтийских и славянских языков являются предметом многолетних серьезных научных дискуссий, в которых принимают участие лингвисты, археологи, этнографы, антропологи. Один из главных вопросов в этих дискуссиях – существование особо тесных связей между балтийскими и славянскими языками, что породило проблему балто-славянского языкового единства. Балтийские племена складывались на основе родственной группы скотоводческо-земледельческих племен шнуrowой керамики и боевых топоров, расселившихся с запада на восток из Центральной Европы III – начале II тыс. до н.э. Балтийские племена сложились в Прибалтике; кроме того, их предки в результате миграций проникли на территорию Верхнего Поднепровья и в Волго-Окское междуречье. К середине I тыс. до н.э. в Поднепровье сложились культуры, которые, как считают археологи, определенно принадлежали балтам. Формирование славян, по мнению многих историков и лингвистов, происходило в Центральной и Восточной Европе. Славяне в древности были западными или юго-западными соседями балтов и жили где-то в районе Вислы. Начало формирования славян происходило в V – II вв. до н.э. в междуречье Вислы и Одера в результате взаимодействия лужицкой и поморской культур, причем лужицкая культура была общей для части древнеевропейского населения, а поморская, возможно, принадлежала балтам. В конце II века до н.э. на западе славянского ареала складывается пшеворская культура, а рядом с ней, в Припятском Полесье и в прилегающих к нему среднеднепровских областях, – зарубинецкая культура. Последняя просуществовала до II века до н.э.; ее связывали со славянами, но некоторые считают, что целиком отождествлять племена зарубинецкой культуры со славянами было бы преждевременно, так как их культура имеет связи и с балтами. Язык этих племен был одинаково близок к балтийским и славянским диалектам. Зарубинецкие племена продвинулись затем на северо-восток, в области Верхнего Поднепровья, где уже жили местные балты в окружении финно-угорского населения. Сложная этническая история территории Беларуси не могла не отразиться на этнографических особенностях древнебелорусских племен, их языке, географических названиях их земель. О контакте между балтийцами и восточными финно-уграми говорят древние лексические заимствования из балтийских языков в финно-угорские, которые обнаруживаются все более и более по мере расширения исследований. Некоторые названия животных и растений

древнебалтийского происхождения являются общими в мордовских, марийских и прибалтийско-финских языках. На очертания древней территории балтийских племен указывают языковые связи балтийцев с другими их соседями.

Этимологический анализ древней гидрономии позволит установить ее характер, значение лексических основ, а также заглянуть в прошлое человечества. Через названия рек, озер, смысл многих из которых ученым удалось расшифровать, доносится к нам голос наших далеких предков – охотников и рыболовов, скотоводов-кочевников и земледельцев. Очень часто только благодаря названиям, пережившим предметы материальной культуры, ученые делают важные выводы о языке исчезнувшего народа, а следовательно, о том, какой именно народ мог обитать на данной территории. Наибольшее распространение в мире имеют языки, принадлежащие к так называемой индоевропейской языковой семье. В древности народы, говорящие на языках этой семьи, занимали гораздо более ограниченную территорию, чем в настоящее время. В результате миграций и роста населения эти народы распространились на огромном пространстве Европы, а также на части Азиатского континента, не говоря уже о более позднем заселении Америки, Австралии и Океании, части Африки.

В своей работе мы придерживаемся традиционного подхода к рассмотрению всей совокупности лимнонимов со стороны как их формы, так и содержания, намечая при этом лишь основные структурные и семантические типы. Мы разделяем мнение лингвистов о том, что «лингвистическая обработка топонимического материала без привлечения исторических и прочих сведений в большинстве случаев может рассматриваться только как предварительный прием исследования, первый шаг к цели» [3, с. 96], то есть к полному и всестороннему анализу географических названий региона.

На исследованной территории Витебщины, как уже было отмечено выше, много субстратных названий. По всей вероятности, к моменту прихода в Озерный край (V век н.э.) предки кривичей и словен имели уже весьма развитую и устойчивую систему географической апеллятивной лексики, унаследованную в основной части от праславянского периода, что свидетельствует о сходных географических условиях прародин восточных славян.

Для конкретного изучения балтских и финно-угорских лимнонимов необходимо разработать критерии выделения субстратного лимнонима из общей массы лимнонимов данного региона. Эти критерии могут быть следующими:

- 1) четкий ареал в данной области или ее части, который бы подкреплялся свидетельствами археологии, истории;

- 2) параллели на других территориях, которые в настоящее время или в прошлом заняты народами (племенами) родственного этноса;
- 3) узкое распространение данной гидронимической основы, ее низкая частотность в гидронимии, единичность в своем роде;
- 4) связь данного гидронима с соответствующими названиями населенных пунктов, которые имеют достоверно иноязычную этимологию;
- 5) исходной мотивирующей формой для названия является апеллятив из языка, оставившего след в топонимическом субстрате;
- 6) неславянский фонетический облик;
- 7) характерные морфологические и словообразовательные особенности (следы морфологической адаптации, ограниченная сочетаемость основы и словообразовательного форманта, большая степень варьирования основы).

Например, лимноним *Вяда* М. Фасмер возводит к *vkd, вслед за К. Бугой сопоставляя с балтскими именами звуковой формы *vind; р. *Вята*, озеро *Вята*; основа объясняется из основы ven – с расширителем –t-, то есть * ven (t) «сгибать, гнуть» [6, т. 1, с. 372]. Но, как мы полагаем, не исключено объяснение названия из славянского языка, ср. праслав. vkt - < ие, *vent «мокрый, влажный» [2, т. 3, с. 124].

Название озера *Велле* многие ученые относят к финно-угорским названиям, но наименования такого типа встречаются в гидронимии и ойконимии северо-западной и центральной областей Беларуси. Ср. название реки *Вілейка* (Могилевская обл.), река *Віля* в бас. Норина л.Ужа п. Припяти; [ББК, с. 108], название деревни *Вілья* (Брестская обл.). По мнению К. Бути, кривичи принесли с собой это название на территорию современной Беларуси и Литвы. Семантика корневого *vil-* мотивирована в сфере апеллятивной лексики, хорошо представленной в восточнославянских языках. Ср. блр. диал. *вілоха* «зигзаг» [5, т. 1, с. 67], русск. диал. *извила* «извиваясь»: Речка *извила* течет укр. диал. *вильний* «покрученный», «хвилястий» и др. Таким образом, структурно славян. *vīlja – с суффиксом -ij- от детерминативно (-l-) усложненной индоевропейской основы * (s)uī- / (s)uei // (s)uoī [6, т. 1, с. 231].

В группу родственных названий могут быть объединены наименования: *Золва* – озеро в бас. Дружнянки (система Зап. Двины) [БКБ, с. 181], река *Золвіца*, которая впадает в озеро Дрывяты [БЭ, с. 292], река *Зельва* л.п. Немана, на ее берегу *г.п. Зельва, Зэльвянскае водасховішча* [БКБ, с. 172, 182], в бас. Віліі на првобережье Немана *Зэльва (Zelva), село Зэльва (Zelve)* в Троцком районе на территории Литвы, *Zelva* (территория Латгалии). Все эти названия можно отнести к праславянскому гидронимическому фонду, что подтверждается их ареальной характеристикой, ибо для них можно найти параллели на других славянских территориях,

ср. укр. река *Золва* л.п. Латорицы в бас. Тисы левоб. Дуная [БЭ, с. 488], русск. *Зельва* – река в системе Вишары левоб. Камы (система Волги) и т. д., но нами не учитываются все данные ареала, а потому названия не этимологизируются на славянском материале, можно лишь предположить, что русское начальное -з- может быть на месте ожидаемого -ж-: ср. еще раз название озера *Золва* (расположено на границе с балтскими землями) и *Zelva* (территория Латгалии), что может свидетельствовать о западнобалтском происхождении таких названий.

Интересными, на наш взгляд, могут быть названия *Бярозавае возера*, *Бярэзшча*, в один ряд с которыми можно поставить название реки *Березина* в бас. Щары, *Березина* в бас. Оки [БКБ] и др. Праформа мотивирована прасл. *berzina [6, т. 1, с. 89], производным от *berza; возможна и параллель с прилагательным *berzinyъ *березовый. Но в ономастической литературе существует также этимологическая версия о том, что такого типа гидронимы восходили изначально к балто-славянскому *bьrзь «быстрый поток» (ибо чаще всего в основе гидронима был тот или иной гидрографический термин) и лишь более поздние из них могли мотивироваться словами «береза, березовый» [4, с. 19], тем более, что находятся озера на водоразделах рек, по которым шел волок на пути «из варяг в греки», а эти озера проточные. Кроме того, явление полногласия в белорусском названии озера свидетельствует о том, что оно было приспособлено к славянской фонетической системе.

Повышенный интерес к онимам определяется их особым положением в языке. С одной стороны, они, несомненно, являются частью лексической системы, функционируют в ее рамках, развиваются по ее законам; с другой – помимо лексического компонента, имена собственные в свое понятийное содержание более четко и объемно включают также историческую, культурологическую, этнографическую информацию и очень чутко реагируют на любые изменения, происходящие в обществе. Языковой и внеязыковой планы в онимии взаимосвязаны и взаимообусловлены, и этимологическое толкование онимических основ позволяет вскрыть и выявить богатейшую лингвистическую и внелингвистическую информацию, что и привлекает к ним внимание исследователей.

Собранный нами материал был проанализирован на фоне балтской и славянской топонимии. В результате исследования для большинства названий удалось найти необходимый сопоставительный материал, который позволил (часто на уровне предположений) дать им языковую этнолингвистическую интерпретацию. В результате анализа выявилась следующая картина: 72,6% интерпретированных названий (а всего проанализировано 1498 наименований) с высокой степенью вероятности можно отнести к славянским, 11,4% лимнонимов получили балтскую интерпретацию, небольшое количество названий озер с

большей или меньшей уверенностью можно отнести к финно-угорским образованиям – 2,4%, а вот 8,3% названий дают возможность их толкования как на материале балтских, так и на материале славянских языков, 5,3% – это названия неясного происхождения.

Положенные на карту названия часто обнаруживают определенные закономерности. Они могут соответствовать истории заселения страны, так как «исторический и языкотворческий процессы идут “в ногу” и один объясняет и подтверждает другой» [2, с. 61].

Если говорить о географическом размещении названий озер Витебщины, то следует отметить, что балтские, финно-угорские названия образуют скопления на западе Витебской области (Браславский, Поставский, Миорский, Верхнедвинский, Шарковщинский, Глубокский районы, хотя, несомненно, что и в других районах исследуемой нами территории прослеживаются определенные черты балтских и финно-угорских названий, но они представлены значительно меньше, чем в западных районах Витебщины. Совпадения некоторых славянских языковых явлений с соответствующими явлениями романских, германских, анатолийских и других языков могут объясняться не только как результат независимого развития, но и как следы прямых контактов в очень отдаленном хронологически неопределимом прошлом. Вполне возможно, что в будущем исследователям удастся найти новые и более точные доказательства, которые приведут к существенно иным построениям. В настоящее же время приходится мириться с существующими неоднозначными ответами на поставленные вопросы, поскольку более или менее окончательного решения проблемы пока не существует. Археологические, антропологические и иные данные при скудости или полном отсутствии прямых исторических свидетельств дают такие многозначные ответы, что они никак не могут считаться решающими. Решающими могут быть языковые свидетельства. Что говорят сравнительно-исторические исследования о балто-славяно-германо-иранских взаимосвязях во второй половине I тыс. до н.э. – в начале н.э.? Как известно, балто-славянская языковая общность истолковывается по-разному. Одни ученые склонны объяснять ее как наследство балто-славянского праязыка, другие считают ее результатом вторичного схождения и контактирования. Но как бы то ни было, факт сходства общеславянского языка и древних балтийских языков является несомненным. Объяснить его можно только тем, что древнеславянские и древнебалтийские племена если не в отдаленной древности, то в интересующее нас время находились в тесных взаимосвязях, в течение веков соседствовали друг с другом. Территория древних балтийцев нам более или менее известна. С какой стороны примыкали к балтийцам славяне? На север от балтийцев находились западные (прибалтийские) финно-угры, на восток – восточные финно-угры. Следовательно, славяне могли быть или к западу,

или к югу от балтийцев. Если они находились к западу (или юго-западу) от балтийцев, то в их языке должно быть совпадений с германцами больше, чем у балтийцев, и, наоборот, славяно-иранские связи должны быть слабее связей балтийско-иранских.

Язык – постоянный однозначный признак этнической общности древности, поэтому в его исследовании – ключ к решению этногенетических вопросов.

Литература

1. Барандеев А.В. История географических названий: русская топонимия в терминах. М., 2010. 320 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М.: 1976–1980.
3. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей М., 1974.
4. Рылюк Г.Я. Истоки географических названий Беларуси (с основами общей топонимики). Минск, 1997. 101 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. I – V. Мінск, 1977 – 1984.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986 – 1987.
7. Электронный ресурс. URL: <http://krugosvet.ru/lingvistika/TOPONIMIKA.html> Дата обращения: 17.05.2014 г.

Источники

8. Назвы азераў Беларусі: слоўнік / навук. рэд. П.А. Міхайлаў. Мінск, 2014.
9. Беларуская Энцыклапедыя: у 18 т. Мінск, БелЭн, 1996 – 2004.
10. БКБ – Блакітная кніга Беларусі: энцыклапедыя. Мінск: БелЭн, 1994. 415 с.

T.I. Sinkevich

Vitebsk state University named after P.M. Masharov

e-mail: sintat@inbox.ru

Limnonymy of Vitebsk region: the substrate problem

Key words: substrate, limnonym, principle nomination, etymologization, ethnicity, ethnogenesis.

This article is an attempt of an etymological study of substratum names of Vitebsk lakes. The territory of the Vitebsk region is an ancient Slavic land where consistently mixed Finno-Ugric peoples, Balts and Slavs, leaving their marks in the names of rivers and lakes. The etymological analysis of ancient hydronymy makes it possible to identify the nature, value lexical bases, as well as to take a glimpse into the past of mankind. Through the names of rivers, lakes, whose numerous meanings scientists have been able to decipher, we hear a voice of our ancestors - hunters and fishermen, pastoralists, nomads and farmers. It is often only through the names of survivors of artefacts, researchers make important conclusions about the language of extinct people, and, consequently, about the exact people who might dwell in the area.